
-НОРА САКАВИЧ-
18+
-USC-
TROJANS
29
СОЛНЕЧНЫЙ КОРТ
ВСЕ РАДИ ИГРЫ. КНИГА 4

Все ради игры

Нора Сакавич

Солнечный корт

«Эксмо»
2024

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

Сакавич Н.

Солнечный корт / Н. Сакавич — «Эксмо», 2024 — (Все ради игры)

ISBN 978-5-04-257329-3

«Я Жан Моро. Мое место в “Эверморе”. Я принадлежу семье Морияма». Таков фундамент, на котором Жан Моро построил собственную жизнь, напоминание о том, что это лучшее, на что он может рассчитывать, и все, чего заслуживает. Но когда его забирают из университета Эдгара Аллана, ему предстоит впервые за пять лет столкнуться с реальностью за пределами «Гнезда». Лисы считают его перевод в Калифорнию шансом начать все с чистого листа; Жану же кажется, что он заперт в золотой клетке. В то же самое время капитан «Троянцев» Джереми Нокс вот уже пятый сезон подряд не может завоевать столь желанный чемпионский трофей. Принять в свою команду лучшего защитника страны — очевидное решение, даже если этот человек — Ворон. Но Жан не чудовище, а всего лишь юноша, потерявший всякую надежду и желание бороться за свое будущее.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-257329-3

© Сакавич Н., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Глава первая. Жан 6
Глава вторая. Жан 16
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Нора Сакавич
Солнечный корт

THE SUNSHINE COURT
by Nora Sakavic

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

В соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации отдельные фрагменты текста, содержащие информацию, не подлежащую распространению, были скрыты по согласованию с правообладателем.

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2027 Soda Press
Иллюстрация на обложке © Kiia Kanerva

* * *

Глава первая. Жан

Жан Моро проснулся совершенно разбитым и – как и сотни раз по утрам до этого – усилием воли собрался с мыслями. Туман в голове был ему незнаком – как и тяжесть в руках и ногах. Штопая раны игроков, Джозайя обычно выдавал им универсальный ибупрофен. Даже если подчищать приходилось за Рико. Раз Джозайя выбрал что-то посерьезнее, значит, Жану не понравится то, что он увидит.

Жгучая боль сжимала его голову от затылка до макушки, скулы и нос превратились в жаркое месиво. Жан поднял казавшуюся невероятно тяжелой руку и осторожно ощупал лицо. Пальцы зацепились за знакомые грубые швы и жесткие бинты, от носа, стоило на него немного надавить, расползлось облако боли – значит, снова сломан. В следующие несколько недель «Вороны» будут пользоваться этим, чтобы его сдерживать. Придется теперь защищаться от их высоких и жестких силовых, отступая, когда следовало бы прорываться вперед.

Шея тоже болела, но кожа на ней была цела. В помутненном сознании Жана не сразу всплыло воспоминание о том, откуда эта боль. Когда оно, наконец, стало четким – руки Рико сжимают его горло, крепко, долго, дольше, чем всегда, – по спине Жана пробежал холодок. В ту минуту он поддался страху, забылся, попытался сбросить руки Рико. Тот в ответ безжалостно ударил его кулаком по лицу. Хозяин дух из него вышибет за то, что нарушил золотое правило: «Бей так, чтобы зрители не заметили», и от этой мысли Жану стало не по себе. Когда Рико было больно, он становился еще опаснее.

Он позволил руке медленно упасть на кровать и попытался открыть глаза. Получилось не сразу, но стоило взгляду сфокусироваться, как Жан понял: этот потолок он раньше не видел. Его продали в замок «Эвермор» пять лет назад, и каждый квадратный сантиметр этого стадиона он знал лучше, чем собственное тело. Комната, в которой он лежал сейчас, находилась не в «Эверморе» – там не могло быть такой светлой краски и широких окон. Чтобы приглушить свет, кто-то подвесил на карниз темно-синее покрывало, но ярко-рыжие солнечные лучи все равно пробивались по краям и тянулись через кровать.

Больница? Жан в ужасе принялся пересчитывать пальцы на руках и ногах. Все болело, но шевелить конечностями он мог. Пальцы в этот раз целы, и это немного успокаивало, но что с ногой? Стоило сдвинуться, как левое колено пронзило болью, а сразу после этого левую лодыжку начало печь, как от огня. Не похоже, что все это быстро заживет, а между тем через несколько недель начнутся полуфиналы и первенства и играть придется с «Троянцами».

Жан рывком сел и тут же пожалел об этом. По телу от живота до шеи разлилась боль такой силы, что к горлу подступила тошнота. Стиснув зубы, он сделал медленный вдох и почувствовал, как это движение отозвалось болью по всей грудной клетке. Кровь в венах застыла, когда в голове всплыло новое воспоминание: Рико снова и снова пинает его, несмотря на попытки защититься от ударов, свернувшись в клубок. С тех пор как он сломал Жану ребра, прошло несколько лет. В тот раз Жан одиннадцать недель не мог выйти на поле. А Рико – неделю, после того как хозяин с ним закончил. Только не снова, только не снова… Но первое же прикосновение руки к левому боку заставило его скорчиться в агонии.

Жан заставил себя осмотреться, хотя от боли едва не прокусил изнутри до крови губу. Никакого медицинского оборудования в комнате не было, так что от версии с больницей пришлось отказаться. Бессмыслица какая-то: это ведь точно чья-то спальня. На приземистой прикроватной тумбочке стояли будильник, лампа и два непарных подстаканника. Вдоль дальней стены тянулся длинный комод, на котором лежали книги и украшения. Сразу за ним виднелась корзина с бельем, которое давно пора было разобрать.

А потом все потеряло значение – осталась только девушка, сидевшая напротив на невысоком стуле. Рене Уокер закинула ноги в носках на изножье кровати, а руки сложила на коле-

нях. Лицо у нее было спокойное, плечи расслаблены, но глаза внимательно следили за Жаном. Он уставился на нее и просто ждал, когда уже хоть что-нибудь поймет.

– Доброго вечера! – после паузы сказала Рене. – Как себя чувствуешь?

На секунду он будто снова вернулся в «Эвермор» и увидел учителя, который говорит Рико о смерти Кенго. Он должен был улететь в Нью-Йорк на частном самолете, а Рико оставался в его отсутствие присматривать за «Воронами». Тому хватило ума не возмущаться, что его не берут с собой, но он все равно беспомощно шел за учителем до самого выхода. У Жана было двадцать секунд спокойствия, и их он потратил на то, чтобы сообщением предупредить Рене. Когда Рико велел ему идти следом в Черное крыло, Жан уже знал, что его ждет, но противиться приказам Рико не мог.

Мысленно он пропустил все жестокие издевательства Рико, но в воспоминаниях после остались только размытые образы: доносившиеся откуда-то издалека крики, бесконечный шум машин во время отзывавшейся болью поездки, запах сигаретного дыма и виски, исходивший от человека, который тащил его безвольное и накачанное лекарствами тело в странный дом.

«Нет, – подумал Жан. – Нет, нет, нет».

Задавать этот вопрос ему не хотелось, но это было неизбежно. Сердце словно застряло в глотке, и слова удалось выдавить из себя только с третьего раза:

– Где я?

Во взгляде Рене не было ни капли сомнения или раскаяния.

– Южная Каролина.

Жан перекатился так, чтобы ноги свешивались с края кровати. Он рассчитывал встать, но боль была такой сильной, что его едва не вырвало. Воздуха не хватало, в глазах и кончиках пальцев отдавался бешеный стук сердца, и он только краем сознания понимал, что Рене встала и теперь находится прямо перед ним. Он этого даже не услышал, только почувствовал осторожное прикосновение ее рук к своим ребрам.

– Дай мне встать, – потребовал он, как будто достаточно владел телом, чтобы подняться на ноги. Перед глазами плясали черные точки, и он попытался сморгнуть их, чувствуя, как кружится голова и жжет подступающей тошнотой горло. Чем его накроет раньше – рвотой или обмороком, – Жан не знал, но надеялся, что последовательность будет летальной. – Пусти.

– Не пущу. Ляг.

Рене положила одну руку на его плечо, продолжая другой поддерживать сбоку. Секунду посопротивлявшись, Жан понял: напрягать мышцы живота было ошибкой, повторять которую в ближайшее время не стоит. Рене помогла ему откинуться на спину и снова натянула до шеи одеяло. Потом проверила глаза – один, второй, – а когда он попытался отстраниться, зажала его подбородок между большим и указательными пальцами. Жан в ответ оскалился со всей яростью, на которую было способно его измотанное тело.

– Он тебя не простит, – сказал он. – И я тоже.

– Да, Жан, – мягко, одними губами улыбнулась Рене, – мне не будет за это прощения. Постарайся поспать. Сон поможет лучше любых лекарств.

– Ни за что, – запротестовал он, чувствуя, что уже засыпает.

Вот бы все это оказалось кошмаром.

Будь в мире хотя бы толика справедливости, Жан проснулся бы в «Эверморе», хозяин нетерпеливо ждал бы его, Рико – ненавидел. Но стоило ему вырваться из объятий сна, как перед глазами оказалась та же комната со светлыми стенами и одинокой кроватью. Рене продолжала караулить его, сидя в изножье. Одежда на ней была другая, а из-за покрывала на окнах в комнату пробивался мягкий утренний свет, полосами ложившийся на постель. Жан прислушался к ощущениям в ногах и руках, после чего, преодолевая боль, привел себя в сидячее положение. Взгляд Рене оставался спокойным, но доверять ему не стоило. Она приговорила их обоих.

– Где я? – спросил он в надежде в этот раз услышать другой ответ.

– Южная Каролина, – произнесла Рене без колебаний. – Если точнее – в доме Эбби Уинфилд, она врач нашей команды. Сего дня пятнадцатое марта, – продолжила она, предупредив его вопрос. – Помнишь вчерашний день? Хоть что-то?

– Меня привезли вчера, – сказал Жан. Это не был вопрос, но он все же ожидал ее ответа. Невозможно было угадать, насколько сильно удары Рико задели мозг. Рене кивнула, и ему стало немного легче. Пускай целый день исчез, рассыпавшись на осколки воспоминаний о боли и обрывки разговора, – это легко списать на то, что он все это время лежал без сознания.

Очень осторожно Жан спустил ноги с края кровати. Правая послушалась, левую пришлось обхватить ноющими руками и передвинуть. Каждый вдох, каждое изменение положения тела отдавалось приступами сокрушительной боли. Слишком много серьезных травм. Боль ядом разливалась в груди и животе, уничтожая то немногое, что от него осталось. Мышцы горели, как в адском пекле, но бывало и хуже. Нужно выжить – любой ценой.

– Лучше бы ты лежал, – посоветовала Рене.

– Ты не сможешь меня удержать.

– Смогу и удержу. Это для твоего же блага. В твоем состоянии лучше оставаться на месте.

– Именно это ты и не дала мне сделать, – огрызнулся Жан. – Не стоило привозить меня сюда. Верни меня обратно в «Эвермор».

– Я не стану этого делать. И если тебе недостаточно такого ответа, вот другой: я и не смогу. Мистер Эндрич навсегда изгнал тебя из «Эвермора».

Жан уже слышал это имя, но не более того. Когда Рене поняла, что его молчание продиктовано растерянностью, а не яростью, ей пришлось пояснить:

– Мистер Эндрич – твой ректор.

– Мой… – У Жана сердце ушло в пятки. – Что ты натворила?

Ему удалось добраться до края кровати, но тут Рене встала и остановилась прямо перед ним, едва не касаясь колен: непреклонное и беспощадное препятствие, из-за которого он вынужден был оставаться в плену матраса.

– Я отправила его в «Гнездо». Без предупреждения и без приглашения.

– Нет, – пробормотал Жан, глядя на нее немигающим взглядом. – У него нет туда доступа. У него нет полномочий.

– Довольно грубое напоминание о том, где его место, – кивнула Рене, и в уголках ее губ мелькнула мрачная усмешка. – Только чтобы открыть дверь, понадобилось сделать полдюжины звонков в разные учреждения и охране. Оказавшись внутри… – Она развела руками, как бы говоря: «Сам понимаешь». – Он потребовал встречи с тобой, а у «Воронов» не хватило ума отказать. Рико в тот момент был на поле, – добавила она, не дожидаясь вопроса. – Он вернулся недостаточно быстро. О, благодарю.

Последняя фраза была адресована не Жану. Он не мог повернуться и посмотреть, кто присоединился к ним в комнате, но вскоре в поле его зрения показалась женщина с подносом. Выглядела она смутно знакомой, значит, как-то была связана со спортом. Может, их взгляды уже встречались на боковой линии или на банкете. Наверняка это в ее доме его сейчас удерживали. Прикрыв глаза, Жан наблюдал, как Рене убирает с прикроватного столика вещи. Вместо них на нем появились два стакана воды, стакан светлого сока и тарелка супа.

Эбби проверила, чтобы поднос не опрокинулся, а потом повернулась к больному. В ее взгляде читалось беспокойство.

– Как ты себя чувствуешь?

Жан наградил ее холодным взглядом, но перед ним стояла женщина, которой каждый день приходилось иметь дело с Натаниэлем и Кевином. Его гнев вряд ли впечатлил бы ее. И точно – Эбби просто наклонилась вперед, чтобы изучить его раны. Бинты и швы она осмотрела совершенно беспристрастно, но прикосновение рук к плечам было легким.

– Он уже может говорить? – спросила Эбби у Рене.

– Хрипит заметно, но непохоже, что это какая-то непоправимая травма.

Взяв один из стаканов, она протянула его Жану. До этого момента он и не осознавал даже, насколько хочет пить, но принимать что-то от этих двоих не собирался. Рене, похоже, решила занять выжидательную позицию и держала стакан достаточно близко, не пытаясь при этом сунуть его в покрытые синяками руки Жана. Некоторое время она наблюдала за осмотром, который проводила Эбби, а потом запоздало вспомнила, что собиралась объясниться.

– Я предложила Эндричу выбор: либо он разрешает забрать тебя домой на лечение, либо моя мать подробно и без опущений описывает все случившееся с тобой в своей статье. Неудивительно, что он предпочел купить мое молчание. В обмен на его обещание провести расследование я дала слово держать его в курсе твоего восстановления. Учитывая, как мало времени осталось до чемпионата, университет Эдгара Аллана вряд ли ждут большие перемены, но пока я согласна и на маленькие победы.

Жан даже забыл, что собирался хранить молчание:

– Это вовсе не победа, заносчивая ты девчонка.

Услышав его голос, Эбби поморщилась и осторожно коснулась пальцами его горла.

– Сделай вдох, пожалуйста.

Жан попытался оттолкнуть ее руку, но этим причинил больше боли себе, чем Эбби. Она спокойно ждала, пока он успокоится. Сохраняя мрачный вид, Жан выполнил ее просьбу. Пальцы Эбби аккуратно прощупывали его горло, отслеживая движение. Когда он вдохнул второй раз, она поменяла положение рук, и прикосновение, раньше казавшееся неощутимым, стало настолько болезненным, что Жан, не успев сдержаться, дернулся.

– Отстань от меня, – выпалил он, пытаясь скрыть боль за раздражением. – Как мне добраться домой?

– Ты никуда не поедешь, – повторила Рене. – Эндрич исключил тебя из состава команды – или исключит, когда закончится расследование. После того как он увидел тебя в таком состоянии, путь в университет Эдгара Аллана для тебя закрыт.

– Я – Ворон и всегда им буду, – ответил Жан. – Мнение одного ничтожного человека ничего не изменит.

– Возможно, – легко согласилась Рене. Очевидно было, что она в это не верит.

– Отвези меня обратно в «Эвермор».

– Я буду повторять до посинения: ты никуда не уедешь. Я не позволю.

– Ты не имеешь права держать меня здесь.

– А он не имел права так поступать с тобой.

Жан рассмеялся – коротко и зло, – позволяя боли снова обжечь нутро. О его отношениях с Рико Рене знала больше, чем следовало бы, – а все Кевин и его безрассудное неумение держать язык за зубами. Так что она точно знала, насколько сильно ошибается. Хозяин привел Жана в команду тысячу лет назад, но «Воронов» было слишком много, и ни времени, ни энергии на то, чтобы усмирять каждого бунтующего подростка, ему не хватало. Поэтому он подарил новичка Рико, доверив ему обкатку. Рико имел право делать с ним все что заблагорассудится. Жан оставался его собственностью, пока был жив.

Хозяин был готов закопать любого Ворона за малейшую ошибку и давал волю недовольству, вымещая его на Рико. Но и Рико, стоило завершить сезон, с рвением выбивал дух из Жана, заставляя его мучиться в той же агонии, в какой пребывал сам. Жан не позволил Эндричу вмешаться, но именно по его вине Рене знала, куда идти. Теперь от дома его отделяли тысячи километров – и все потому, что ему не хватило ума промолчать.

Жан жалел, что когда-то обратил внимание на Рене. Ненавидел себя за любопытство, заставившее отвечать на ее сообщения тогда, в январе. Чертово осознание пришло слишком поздно.

– Никто со мной ничего не делал, – сказал он. – Я получил эти травмы на тренировке, когда мы боролись за мяч.

– Я работаю с «Лисами» – напомнила ему Эбби. – Даже они так друг друга на поле не калечат. А они пытаются, видит бог.

– Ничуть не удивлен, что они и в этом весьма посредственны.

– Вот это не на тренировке сделано. – Эбби очень аккуратно коснулась боковой части его головы. – Даже «Вороны» тренируются в полном доспехе, верно? Тогда посмотри мне в глаза и скажи, как кому-то удалось вырвать у тебя столько волос из-под шлема?

Жан невольно потянулся к ее пальцам и нащупал на голове пятно, отдававшееся болью сотен острых иголок. В глубине сознания промелькнуло воспоминание: одна рука зажимает ему рот, другая тянет изо всех сил. На секунду ощущение, которое он испытал тогда, вернулось с такой силой, что едва не захлестнуло его с головой. Жан поспешно сглотнул, борясь с подступившей тошнотой, и быстро опустил руку.

– Я задала вопрос, – напомнила Эбби.

– Отвезите меня обратно в «Эвермор», – сказал Жан. – Здесь с вами я не останусь.

– Эбби, – окликнула врача Рене, поставив стакан с водой обратно на поднос. Они ушли вместе, молча предоставив Жана самому себе. Он не обратил никакого внимания на звук закрывающейся двери, погруженный в попытки придумать план спасения. Все сходилось на том, удастся ли вернуться в Западную Виргинию.

Нельзя было исправить то, что его увезли, – или то, что Эндрич оказался в курсе происходящего, – но можно ведь доказать свою верность, вернувшись домой как можно скорее. У него были коды ко входу на стадион и в «Гнездо». Нужно просто проскользнуть мимо охраны и пробраться внутрь. И неважно, что Эндрич сказал «Воронам»: ни один из них не прогонит его с порога. Никто никогда не уходил из «Эвермора».

Кроме Кевина. Кроме Натаниэля.

Эта мысль только мешала, заполняя голову словно ядом. Жан с силой ударил себя по ногам. Тело отозвалось резкой болью, на время мир утонул в ней как в белом шуме – а с ним утонули и эти опасные мысли. Жан медленно вдохнул, потом выдохнул и продолжал дышать так, пока не сумел взять себя в руки. Потом поискал по карманам телефон. Пусто.

Только спустя пару мгновений он осознал, что одет в серые шорты. Серые. Не черные. Жан и не помнил, когда в последний раз надевал цветные вещи. В Марселе? Трудно сказать. Из Франции он уехал в четырнадцать лет и провел в «Гнезде» слишком много времени, чтобы помнить, каким был раньше. Если у него и была душа, тренировки по шестнадцать часов и жестокость Рико убили ее. Воспоминания о прежней жизни превратились в отдельные фрагменты, сны, которые рассеивались еще до полного пробуждения.

На мгновение горе захватило его, сместив боль с позиций, и Жан снова себя ударил. Неважно, что было раньше – возврата к этому нет. Сейчас нужно было выжить – сего дня, завтра, послезавтра. Нужно было вернуться домой, остальное не имело значения.

Я Жан Моро. Мое место в «Эверморе». Я выдержу.

Жан передвинулся к краю кровати – так, чтобы босые пятки коснулись грубого ковра. Подняться удалось только с пятой попытки, ему пришлось отталкиваться руками от матраса. Каждый раз боль пронзала все его тело, и каждый раз он вынужден был, задыхаясь, хватать воздух ртом, хотя короткие, резкие вдохи обжигали горло огнем.

Поднявшись, он попытался сделать шаг вперед, но левая нога отказалась держать вес. Жан камнем повалился на пол, отчаянно пытаясь ухватиться за что-нибудь и остановить падение. Рукой он задел поднос, и стоявшие на нем тарелки и стаканы разлетелись по комнате. Ледяное прикосновение сока и воды было вполне терпимо, чего нельзя сказать об обжигающем жаре супа. Куда хуже обоих оказалась ослепляющая боль в груди и колене, вспыхнувшая в тот момент, когда они столкнулись с полом. Жан прокусил до крови руку, лишь бы не закричать.

Устрашающее подозрение, что добраться до «Эвермора» самостоятельно не удастся, едва его не прикончило. Он сжал зубы сильнее, надеясь добраться до кости, но тут почувствовал касание чьих-то рук. Звука открывающейся двери он не слышал: боль оглушила его.

– Ну что ты, – услышал он голос тренера Ваймака, чья ладонь сомкнулась на запястье Жана, вынуждая разжать зубы. Еще секунда, и Ваймак подхватил его на руки, поднял с пола и с удивительной легкостью переложил на кровать. Быстро окинув его взглядом, тренер снова направился к двери.

Было бы лучше, если бы он там и остался, но он вернулся. Что ж, он хотя бы прикрыл за собой дверь. Теперь в руках у Ваймака было несколько влажных тряпок. Жан попытался отобрать одну, но тренер просто перехватил его движение и принялся смывать кровь, выступившую на месте укуса. Возможный шрам Жана не беспокоил: его все равно не будет видно под перчаткой, но сил вырваться из хватки Ваймака у него не хватало.

Закончив вытирать кровь, тренер выпустил Жана, но только для того, чтобы смыть с его голых рук и груди следы супа и сока. Только после этого Ваймак серьезно взглянул на него и спросил:

– Тебе что, не сказали лежать смирно? Тебе нельзя вставать! О чем ты только думал?

– Я хочу домой!

Ваймак в ответ наградил его взглядом, который причинил Жану больше боли, чем все издевательства Рико вместе взятые. Не выдержав, он отвел глаза.

– Отдохни-ка, – сказал тренер. – Поговорим днем. Вот, глотай.

Жан мог бы укусить пальцы, пропихнувшие ему в рот таблетки, но перед ним был тренер – а его трогать нельзя. Поэтому он проглотил лекарство не запивая и уставился в потолок. Ваймак осторожно встал с кровати. Слышно было, как он собирает с пола осколки стекла и тарелок. Сон поглотил Жана еще до того, как тренер закончил и вышел из комнаты.

* * *

Он проснулся спустя несколько часов и снова увидел в комнате Ваймака – похоже, тот был полностью поглощен чтением газеты. На прикроватном столике стояли две чашки, источавшие чарующий аромат черного кофе. Этот запах запустил осознание, без которого Жан предпочел бы обойтись: ему очень, невероятно, умопомрачительно хотелось есть и пить. Двигаясь со скоростью улитки, он сел. Но осторожность не помогла: к тому моменту, как ему удалось привалиться к изголовью, Жан едва дышал от боли.

Получится ли удержать в руках полную кружку? Он не знал. То, что приходится прятаться здесь, уже само по себе ужасно, но, если им придется кормить его с ложки, лучше уж откусить язык и раз и навсегда с этим покончить.

Ваймак поднял взгляд:

– В туалет?

Жану очень хотелось сказать «Не нужно», но…

– Куда идти?

Ваймак отложил газету и встал:

– На левую ногу не опирайся.

И Жан снова принялся предельно аккуратно сползать с кровати. Стоило ему попытаться оттолкнуться и встать, Ваймак крепко ухватил его под руки. Благодаря этому Жан мог в точности указать момент, когда у него едва не подогнулись ноги: пальцы Ваймака сжались так крепко, что наверняка оставили синяки. Было больно, зато в этот раз он не упал, а тренер продолжал поддерживать его, словно живой костыль. Прикусив изнутри щеку, Жан удержался от комментариев к своему бедственному положению.

Дверь в туалет находилась по левой стене, через одну от его комнаты, но до места они добирались вечность. Оказавшись, наконец, внутри, Ваймак прислонил Жана к ближайшей к унитазу стенке и вышел, оставив его разбираться самого. Однако, стоило включить воду, снова появился на пороге, сообщив о своем приходе только коротким стуком костяшек. Вместе они отправились в обратный путь – трава и то росла быстрее, чем они шли. Опускаясь на кровать, Жан почувствовал, что у него перед глазами все плывет.

То ли от боли у него начались галлюцинации, то ли рядом с чашкой кофе теперь стояла плошка с горячей кашей. В желудке предательски заурчало.

– Ешь, – велел Ваймак. – Прошло уже тридцать часов, а нам не удалось запихнуть в тебя ничего, кроме воды.

Жан осмотрел испещренные синяками руки, потом нерешительно перевел взгляд на полосы сорванной кожи на предплечьях. Рико связал его струнами для ракеток – слишком жестокое испытание для кожи. На каждой руке алело по шесть или семь ожогов от этих струн, запястья были стерты в мясо. Долгие годы Рико не терял времени на глупости вроде связывания, прекрасно зная, что Жан смирится с любым наказанием. В прошлый раз, когда в ход пошли веревки, он…

Жан усилием воли оборвал мысль, не желая скатываться в яму воспоминаний, из которой не так просто было выбраться. Некоторые двери лучше не открывать, даже если в попытке держать их закрытыми все пальцы себе переломаешь. Он заслужил эти веревки. Доказал, что недостаточно предан, когда попытался оторвать руки Рико, сжимавшиеся на горле.

– Я поем позже.

– Это манная каша. Ты хоть представляешь, во что она превратится через десять минут? – сказал Ваймак. Дожидаться ответа он не стал – просто взял плошку и поднес ее так близко к лицу Жана, что тому обожгло паром подбородок. – Я подержу. Твоя задача – справиться с ложкой.

– Я не голоден.

– Как скажешь. У меня руки замерзли, так что я просто буду держать миску.

Жан скрипнул зубами, стараясь удержать слова, которые не стоило произносить, требования и вопросы, ответам на которые все равно не поверит. Это все игра, пряник, предшествующий кнуту, попытка разрушить возведенные им стены и использовать то, что они скрывают. Но если Ваймак притворялся, делал он это виртуозно, словно повторял свою роль слишком много раз и играл ее теперь, даже тог да, когда занавес был опущен. Видимо, слишком долго делал вид, будто «Лисы» – его искреннее увлечение, а не рекламный ход.

Жану очень хотелось отвернуться от плошки, но от голода кружилась голова. В конце концов он решил поесть – хотя бы для того, чтобы восстановить силы. Ваймаку хватило достоинства не смотреть на него победоносно. Он просто уставился на стену, избавив Жана от ощущения, что его буравят взглядом. Ему хватало проблем с тем, чтобы удержать ложку в дрожащих пальцах. Пускай запоздало, но Жан все же испытал благодарность за помощь тренера.

Когда плошка опустела, Ваймак протянул ему чашку с кофе. К тому моменту ее содержимое уже почти остыло, но Жан послушно выпил половину. Стоило ему отстраниться, Ваймак тут же убрал его кружку и потянулся к своей. Потом, довольный тем, что тело пациента получило уход, откинулся на стуле и сложил на груди руки. Его изучающий взгляд был знаком Жану, и тот даже не пытался его перехватить.

– Вчера вечером я беседовал с тренером Мориямой.

Жан даже задохнулся на секунду.

– Как вы могли? Он ведь поглощен горем!

– Разбит и опустошен – в этом я не сомневаюсь, – подтвердил Ваймак, хотя в голосе его не было ни капли сочувствия. – Он не особо распространялся, но Эндрич, похоже, уже крепко за него взялся. Поэтому я просто сказал, что твои счета за лечение мы оплатим, поскольку

вмешались без приглашения, и согласился регулярно сообщать о ходе твоего выздоровления. Когда Кевин приехал на юг, мы договорились о том же. Он знает, что я умею хранить тайны, когда это нужно мне.

У Жана снова скрутило живот, но от сожаления ли, или от отвращения, он не понял. Ваймак понятия не имел, насколько шатким было его положение. Хозяин не собирался иметь дело с тренерами команд первого класса: ему неинтересно было выводить их из равновесия таким способом. Пока Ваймак не провоцирует его, удара не последует, даже если вести себя навязчиво.

То ли дело Рико. Тот уже больше года мечтал убить Ваймака. Могло показаться, что его сдерживает страх дядиного гнева, но Жан знал: причина в тяжелом отцовском комплексе Рико. Он перечитывал письмо Кейли почти так же часто, как и Кевин. Рико не мог шагнуть за эту грань и ненавидел себя за это.

Интересно, Кевин уже догадался?

– Где Кевин?

– На Голубом хребте. «Лисы» сняли там дом на время весенних каникул, – ответил Ваймак.

– Но Кевин же не с ними? – возразил Жан. – Он не уедет так далеко от поля.

– Уедет, если получит достаточную мотивацию. – Ваймак попытался скрыть эту чудовищную ложь, небрежно пожав плечами. – О ни должны вернуться в эти выходные. По-моему, в воскресенье. Если хочешь с ним поговорить, попрошу его зайти сразу, как распакует чемодан. Что касается местной королевы драмы… – Ваймак умолк, явно подбирая слова.

– Не знаю, в курсе ли ты, но я знаю, какой он человек, – продолжил он после паузы. Голос у него звенел от сдерживаемой ненависти. – Твой так называемый хозяин. И его сволочной племянник. После перевода Кевин рассказал нам правду, чтобы мы понимали, во что ввязались. Я знаю, почему тебе кажется, будто ты должен вернуться в «Эвермор», и знаю, что тебя там ждет. Я сожгу этот дом, если таким образом смогу уберечь тебя от его побоев.

Жан пообещал себе, что удушит Кевина собственными руками. Если, конечно, они снова будут слушаться.

Рене вновь начала писать ему в начале января, но Жан две недели выжидал, прежде чем ответить на ее бодрые вопросы и приветствия. Только после ее фразы «Кевин мне все рассказал», он от удивления нарушил молчание. Сложно было смириться с тем, что Рене известно о семействе Морияма, но Жан тогда решил, что Кевин все ей рассказал из-за ее прошлого. А теперь оказалось, что об этом знали все Лисы – и им ума не хватило бояться в десять раз сильнее.

С ними точно что-то было не так, но Жан не мог сказать этого вслух, не признав автоматически за Кевином правды. Оставалось только гадать, как они так все дружно головой приложились. Или тут, на юге, вода плохая? Или вся «Лисья нора» надышалась угарным газом?

– Никто меня не бил, – сказал Жан. – Я получил эти травмы на тренировке, когда мы боролись за мяч.

– Заткнись. Мне не нужны твои признания, – оборвал его Ваймак. – Не нужны мне слова, когда ты так выглядишь. Когда это я забирал Нила из аэропорта в декабре. Нужно мне только одно: пойми, мы все знаем и, можешь мне поверить, в этот бой мы идем, понимая последствия. Рене знала, чем рискует, когда ехала за тобой. Она звонила, зная, кого этот звонок разозлит, и мы поддержим ее, чего бы это ни стоило.

– Она не вправе была это делать, – ответил Жан. – Не хотите отправлять меня в «Эвермор» – хорошо. Просто отдайте телефон, я сам все устрою.

– Твой телефон я выключил и кинул в морозилку. Побоялся, что его разорвет от количества входящих, и устал слушать чириканье оповещений. Сможешь забрать его после того, как мы решим, как быть дальше.

– Нет никакого «мы», – упрямо возразил Жан. – Вы не мой тренер.

– Не твой хозяин, да?

Жан проигнорировал его сарказм:

– Я Ворон. Мое место в «Эверморе».

Ваймак сжал пальцами переносицу, как бы моля о терпении. На секунду Жан решил, что утомил его и теперь сможет выиграть спор, но тут тренер выудил из кармана собственный телефон и принялся нажимать на кнопки. Потом приложил его к уху ненадолго – только чтобы убедиться – сигнал прошел, – и переключил на громкую связь. Долго гадать, кто окажется по ту сторону, Жану не пришлось. После второго гудка трубку сняли.

– Морияма.

– Тренер Морияма, это снова тренер Ваймак. – Жан поймал понимающий взгляд и понял, что напрягся всем телом. – Простите, что беспокою, но мне нужна ваша помощь. Жан отказывается от ухода и пытается выбраться из кровати. По словам Эбби, думать о путешествиях он может начинать не раньше, чем через три недели. Но Жану нужно услышать и ваше мнение тоже – для собственного спокойствия. Может, скажете ему, чтобы он на хрен угомонился? Мы сейчас беседуем по громкой связи.

Хозяин ответил моментально и сказал именно то, что Жан и ожидал услышать:

– Уверен, Моро ставит свое здоровье во главу угла. Он знает, насколько нам в университете Эдгара Аллана важно, чтобы он восстановился.

Скрытый смысл его слов был очевиден: вернись как можно скорее или будь готов к болезненным последствиям. Жан открыл уже было рот, но Ваймак перебил его ледяным тоном:

– Со всем должным уважением, тренер, я вам звоню не для того, чтобы банальности слушать. Если бы мне нужно было ему передать такую духоподъемную срань, я бы открыточку купил в магазине. Жан сможет вернуться на поле не раньше, чем через три месяца. Для вас он сейчас бесполезен, а нам не трудно позаботиться о его выздоровлении. Скажите, чтобы он не дергался, пока он сам себя не покалечил. Прошу вас.

Резкий тон последних слов задел в Жане какие-то струны, о которых он и не подозревал. Стараясь не слишком фокусироваться на этом переживании, он все же затаил дыхание в ожидании ответа.

– Ваша лишенная оснований неприязнь бодрит, как и всегда, – сказал хозяин. – Моро?

– Да, – Жан едва не оговорился, но вовремя поправился. – Тренер?

– У тренера Ваймака и без тебя хватает проблем с подчиненными, которые не умеют слушаться. Делай, как он говорит, и оставайся пока там, где находишься. Когда ты поправишься достаточно для переезда, мы вернемся к этому разговору.

– Тренер, я… – *«Мне так жаль, пожалуйста, простите, клянусь, я пытаюсь»*. – Я понял.

В трубке повисла тишина. Жан не сразу понял, что тренер Морияма просто повесил трубку. Ваймак резким движением захлопнул крышку телефона; костяшки побелели, когда он попытался – впрочем, тщетно – раздавить вещицу в кулаке.

– В него уже давно кому-нибудь пора врезаться на автостраде. На большой скорости. В лобовую. – Ваймак взял чашку, запоздало вспомнил, что в ней ничего нет, поставил обратно и принялся барабанить пальцами по ее стенке. – Стало проще, да? Он знает, что мы держим тебя в заложниках, и не собирается возражать.

Тренер были искренне уверен: в этом разговоре он одержал победу. Жану хотелось бы возненавидеть его за подобную наивность, но на это нужны были силы, а он уже устал.

– Я уже могу ехать, – сказал он. – Просто отправьте меня домой.

Трудно сказать, как Ваймаку удавалось одновременно выглядеть злым и усталым. Жан приготовился выслушать обвинения в неблагодарности, но услышал только короткое «нет».

– Вы не можете держать меня здесь.

– Ты никуда не поедешь. И выживешь, даже если к выздоровлению нам придется волочить тебя силком, а ты будешь кусаться и верещать. Прежде чем попытаться еще раз вылезти из кровати, подумай вот о чем: твой тренер запретил тебе вставать. Какое-то время придется провести с нами.

Ваймак подождал немного, понял, что Жан не ответит, и добавил:

– Я посмотрю, нет ли у Эбби колокольчика или чего-то в таком духе, чтобы ты мог нас позвать, когда понадобится. Пока постарайся отдохнуть. Решать вопросы с тренером Мориямой предоставь мне. От тебя требуется позаботиться о себе самом, понял?

Он так легко сказал это – как будто Жан мог беспокоиться о себе одном, не о команде. Этот человек его до смерти доведет.

– Я спросил, понятно ли тебе? – повторил Ваймак, поднимаясь на ноги.

Инстинкта самосохранения Жану хватило как раз на то, чтобы устремить раздраженный взгляд в стену и ответить:

– Да.

На самом деле он так ничего и не понял, но Ваймаку не обязательно было это слышать. Тренер ушел, оставив Жана наедине с мыслями, и тот перескакивал с одной на другую, пока у него не закружилась голова. Хозяин велел ему сидеть смирно, пока Эбби и Ваймак не сочтут, что он достаточно поправился и может сесть в самолет. Но это ли он имел в виду? Был ли это прямой приказ или Жан должен был все равно попытаться найти дорогу домой? Он осторожно пощупал колено, но даже легкое прикосновение пальцев отдалось такой болью, что перед глазами все расплылось.

Через несколько минут в комнату зашла Эбби. В руках у нее были кухонный таймер и маленький стакан, до половины наполненный водой.

– Колокольчик я не нашла, но ты можешь просто докрутить таймер, чтобы он сработал, – с казала она, оставив таймер рядом с кроватью. Стакан Эбби держала в протянутой руке и ждала, пока Жан точно сможет его ухватить. – Звонок очень громкий, поэтому мы услышим его из любой точки дома. Пользуйся им, ладно? Неважно, станет тебе скучно, больно или захочется есть. Дэвид подберет для тебя еще несколько пар шорт и боксеров. Если вспомнишь еще о чем-то необходимом, скажи мне, я ему напишу. – Несколько секунд Эбби подождала ответа, потом достала из кармана пузырек с таблетками. Жан не протянул руки, поэтому две пилюли она оставила на простыне рядом с ним. – Помогут тебе уснуть. Чем больше ты отдыхаешь и чем меньше двигаешься, тем лучше.

– Что с моим коленом?

– Ты повредил его на тренировке, – холодно напомнила ему Эбби, но потом все же добавила: – Разрыв наружной коллатеральной связки.

Значит, Ваймак говорил все это не ради того, чтобы убедить учителя. Учитывая травмы ребер и колена, Жан не выбрался бы со скамейки запасных до середины лета. За это мастер удалит его из стартового состава, а Рико изобьет до полусмерти – ведь Жан не смог соответствовать своему номеру. Все заживет как раз к моменту новых побоев.

Жан потянулся к таблеткам:

– Оставьте мне весь пузырек.

– Ты прекрасно знаешь, что я не могу этого сделать, – ответила Эбби и вышла из комнаты, оставив его наедине с роем мыслей.

Их было слишком много.

Глава вторая. Жан

Неделя прошла как в тумане. Жан пытался следовать распорядку дня «Воронов», поскольку отлично понимал: непросто будет вернуться к этому графику, когда Ваймак наконец отправит его обратно на север. Но без занятий и тренировок, вокруг которых строился день, он моментально выпал из режима. Спал, когда не следовало бы, – и гораздо дольше, чем следовало бы. Виной тому были таблетки Эбби и усталость: его тело расходовало слишком много сил, пытаясь исцелиться от травм. Просыпался он от кошмаров: они заставляли его жадно хватать ртом воздух и бездумно размахивать кулаками.

Каждый день Жан проверял карманы и простыни, надеясь, что Ваймак сжалится и отдаст ему телефон. Раз за разом он просил вернуть его, но встречался только с мягким отказом. Не помогло даже обещание разговаривать только в присутствии Ваймака – Жан в тот раз едва сдержался, чтобы не запустить подушкой в тренера.

Садясь в кровати, он невольно искал взглядом кровать Зейна, но комната по-прежнему пустовала. Три года они были соседями по комнате, почти два – партнерами по команде: не друзьями, а безжалостными союзниками. Пока Натаниэль все не испортил. Тот январь стал кошмаром, от которого ни один из них не смог оправиться. Жану было тяжело находиться в одиночестве, но вместе с тем он настолько радовался своей свободе от напарника, что перехватывало дух.

Куда сложнее было пережить отсутствие Рико. Когда Кевин бросил команду, именно Жан стал его напарником, а значит, весь последний год должен был находиться в пределах пары соседних комнат от Короля. Его держали на поводке – куда более длинном, чем удостоился Кевин: Рико до глубины души раздражала необходимость всюду таскать за собой этого Моро. И все же сам Жан задыхался, оказавшись в этом положении. На рождественские каникулы его временно перевели к Натаниэлю, и этот перерыв стал глотком свежего воздуха, который позволил ему сохранить рассудок.

Теперь вместо Рико и Зейна у него были Ваймак, Эбби и Рене. Они по очереди проверяли его состояние, стараясь выкраивать время в расписании. Провожали, когда это было необходимо, до туалета, приносили легкую для усвоения еду, которую Жан мог пережевать, заносили книги, остававшиеся без внимания. Раз в день – или раз в два дня? Жан не был до конца уверен – Эбби запирала дверь, чтобы помыть его и осмотреть.

Осознание того, насколько сильно его покалечил Рико, приходило постепенно. Самой большой проблемой были три сломанных ребра, сразу за ними – разрыв связки и вывихнутая лодыжка. Синяки, покрывавшие большую часть тела Жана, разливались всеми оттенками желто го и зеленого, что говорило о постепенном восстановлении, но многие из них по-прежнему оставались темными. Это тревожило. Не на все порезы пришлось накладывать швы, сломанному носу понадобится еще пара недель. Жан отказывался переживать из-за этих травм, но случившееся с волосами его неизменно угнетало. Он был достаточно тщеславен, чтобы искренне расстраиваться из-за того, насколько большой клок вырвал Рико, но недостаточно огорчен, чтобы спрашивать у Эбби, через сколько они отрастут.

Мрачные размышления Жана прервал нерешительный стук в дверь. Ни один из его тюремщиков не давал о себе знать так опасливо. Сесть Жан пока еще не пытался, поэтому просто повернул голову, наблюдая, как в комнату проскользнул новый гость. Как только Жан завидел темные волосы и зеленые глаза, он принял вертикальное положение куда быстрее, чем следовало. Зашипев от боли сквозь сцепленные зубы, он привалился к изголовью. К тому моменту, как ему удалось устроиться поудобнее, Кевин уже сидел на кровати около его колен, поджав одну ногу и болтая второй.

Жан был уверен, что тогда, несколько дней назад, Ваймак наврал ему. Однако Кевин и правда выглядел загорелым.

– Ты покинул стадион, – выпалил он, не в силах сдержать удивление. – И поехал в горы? Ты? Сезон же в разгаре!

– Мне угрожали, – ответил Кевин, неловко дернув плечом. Потом медленно обвел Жана взглядом, запоминая и оценивая его травмы.

Злости в его глазах не было, и искать ее было бесполезно: Кевин был способен максимум на чувство всепоглощающей вины. И видел травмы и похуже. Иногда Рико позволял ему оставаться после избиения, но чаще у Кевина не было иного выбора, кроме как отвлекать остальных Воронов от страданий Жана. Делал он это, изображая из себя невыносимого засранца. Впрочем, им в этом плане повезло: засранцем Кевин был очень убедительным.

– До июня, – произнес Кевин в пустоту, как будто некстати.

– Да, – ответил Жан. Покосился на закрытую дверь и перешел на тихий, но яростный французский: – Твой тренер позвонил учителю.

– Вымаливал твою жизнь?

– Разрешение остаться здесь на несколько недель. – Жан склонил голову и упрямо посмотрел на Кевина. – Твой тренер сказал, что знает наши секреты. Сказал, будто ты им все разболтал. «Все» – это про «Гнездо» или?..

Даже здесь ему страшно было говорить об этом вслух, но Кевин наверняка закончил бы фразу за него. Когда вместо ответа тот отвел взгляд, Жан судорожно вздохнул, отказываясь поверить:

– Ты придурок. О чем ты думал?

– Я не думал, – признался Кевин. – Я боялся, что он отправит меня обратно в «Эвермор». И мне не жаль. Вообще, – настойчиво повторил он, слегка поморщившись в ответ на скептическую гримасу Жана. – Они должны были знать, на что идут, давая мне укрытие.

– Должны были знать, – эхом отозвался Жан, и в его голосе звенело презрение. – Я тысячу раз видел, как ты врешь. Мог бы и тогда соврать.

Кевин не стал тратить силы, пытаясь защитить свое идиотское решение.

– Я не должен был оставлять тебя, – сказал он вместо этого. – Знал ведь, что он с тобой сделает, когда поймет, что я ушел. Но я…

– …все равно втянул меня в это, – напомнил ему Жан, услышав, как Кевин запнулся. Тому хватило ума поморщиться. Жан почувствовал, как внутри разгорается пожар былого гнева, и стиснул разбитый кулак, сжимая простыню, словно мог справиться с собой одной только грубой силой.

– Это был мой единственный шанс, – сказал Кевин. – Я знал, что ты со мной не поедешь.

– Мое место в «Эверморе», – согласился Жан, – но, уходя, необязательно было перерезать мне горло.

Когда-то давно Жан отдал бы все ради этого идиота, и Кевин прекрасно знал об этом. И в итоге воспользовался этой слабостью: попросил его отвлечь Рико после перелома. Жан согласился, а Кевин сбежал сразу же, как только почуял, что опасности нет. Убедить Рико в том, что Жан не знал о планах товарища, удалось только через несколько недель. До конца января его защиту пришлось целиком заменить. Крови, впитавшейся в подкладку, было не видно, но все Вороны чувствовали ее запах.

Жану удалось бы вымолить прощение и раньше, ведь он столько лет послушно склонял голову и соглашался на любое наказание, которое обрушивал на него Рико. Но увы, Кевин подписал приговор им обоим. Он просил Рико остановиться, умолял его прекратить избиение на японском и английском, а когда это не помогло, запаниковал и обратился к Жану на французском. Они так долго хранили эту тайну, но пары слов хватило, чтобы все разрушить. Сначала

оценка способностей Кевина Комитетом по регламенту экси, потом это явное неповиновение – конечно Рико слетел с катушек. Кевин потерял руку, а Жан – сложившуюся за годы репутацию.

– Прости, – тихо сказал Кевин.

И протянул руку. Жан некоторое время мерил его яростным взглядом, но тот явно настроился выиграть этот бой. В конце концов Жан разжал пальцы и положил свою руку в руку Кевина ладонью вверх. Кевин слегка согнул пальцы, чтобы иметь возможность повернуть его кисть сначала в одну, потом в другую сторону. Снова смотреть на синяки и ссадины Жану не хотелось, поэтому он просто уставился куда-то в пространство за Кевином – на темный экран телевизора. Кевин легонько постучал по пальцам Жана, молча отдавая приказ, и Жан в ответ сжал кулак. Несмотря на боль, ему это удалось. Кевин облегченно выдохнул.

– Что, если нет? – сказал он.

– Чего?

Кевин скривился, словно жалея о заданном вопросе. Немного помолчал, набираясь храбрости заговорить снова. Когда он открыл рот, Жан тут же выдернул свою руку из его.

– Что, если твое место не в «Эверморе»?

– Ты умом повредился, что ли, за неделю без тренировок? Я Ворон. И когда ты в этом сомневаешься, это звучит обидно и глупо.

– Но вдруг Эдгар Аллан отпустил тебя? Да, твое место на поле, но это может быть любое другое поле. Хозяин согласует твой трансфер, если это поможет удержать Эндрича от вмешательства в дела «Гнезда». И неважно, куда ты переведешься, ты все равно окажешься на своем месте. – Кевин указал на себя, и Жан понял: речь о свите. – Этого может быть достаточно.

– Может быть, – бросил Жан. – Могло бы. Безмозглое ты дитя. Отказался от себя.

– Докажи, что я не прав.

– Хозяин скорее убьет меня, чем отпустит, – ответил Жан и провел пальцем по строкам несуществующего газетного заголовка: – «Жан Моро, на неопределенное время отстраненный от игр из-за травм, покончил с собой». Такая новость точно обеспечит нам сочувствие прессы и придаст трагичность всем играм после.

Кевин обдумал его слова.

– Это определенно повлияет на матчи «большой тройки», – согласился он. – Университет Пенсильвании такую возможность не упустит, а вот университет Южной Калифорнии наверняка будет сдержаннее из уважения к переживаниям команды. Хотя не стоило бы, – добавил он, помрачнев. – Мне кажется, в этом году у них есть шанс.

– Поразительно, что ты до сих пор верен этим клоунам.

– Некоторые из них и тебе нравятся.

– Не смей, – оборвал его Жан. Кевин слегка дернул плечом, явно не впечатлившись. Скрипнув зубами, Жан сдержался и не стал пытаться спихнуть его с кровати. – Неприлично так перед ними заискивать.

– Тут имеет значение их доброта, – объяснил Кевин. – Если скажут, что «Вороны» победили потому, что команда Южной Калифорнии старалась сдерживаться из чувства такта, победа будет казаться не такой весомой. Хозяин этого не допустит. Именно поэтому ты сейчас здесь, и именно поэтому ты переживешь финал. Это твой шанс бежать.

– Моя фамилия Моро, – отозвался Жан, даже чересчур резко. – Может, ты и забыл свое место, но я помню свое.

– Эндрич…

– Мне не указ. Может, хозяин и отпустил меня. Но если понадобится, я буду умолять его изменить решение.

Кевин долго молчал, и Жан решил, что выиграл этот спор. Удивительно, что им вообще пришлось спорить. Тот Кевин Дэй, с которым он прожил бок о бок четыре года, никогда не позволил бы себе подобных фантазий. Предложить ему уйти от Мориямы! От одной этой мысли

у Жана сжалось сердце, и он решил сосредоточиться на оскорблении. Оно задевало не так сильно, но все же – предложить ему уйти из команды первого эшелона! Да больше ни одна команда страны не заслуживала его таланта.

– Твоя фамилия Моро, – заговорил вдруг Кевин. Жан уже было обрадовался, что к тому вернулась способность мыслить ясно, но следующие слова развеяли его надежду. – А его фамилия… была… Веснински. И он все равно ушел. Сказал, что отказался подписать договор о трансфере.

Настал черед Жана отводить взгляд. Он не ожидал, что Натаниэль останется в живых после того неповиновения. Рико мог убить его в ту ночь, если бы не его, Жана, слабость. Ведь это он удержал Натаниэля в положении лежа, пока Рико лил воду на тряпку, закрывавшую его рот и нос. Держал, а значит, не мог заткнуть уши и не слышать звуков, которые тот издавал. Жан тогда едва плечо себе не прокусил, пытаясь не кричать. Когда он уже больше не мог сдерживаться, пытку пришлось прервать. Рико не простил его за эту слабость, хотя он и принимал непосредственное участие в экзекуции.

– Жан? Жан!

Чьи-то пальцы впились в его запястье, и боль заставила Жана вернуться в реальный мир. Он запоздало осознал, что его горло сжимает рука – и эта рука принадлежит ему самому. Скосив глаза на Кевина, Жан увидел его побелевшее от ужаса лицо и тут же пожалел, что вообще посмотрел в его сторону. Кевин точно понимал, какие воспоминания роились сейчас в его голове. Жан не мог сделать вдох, но и расслабить хватку ему не удавалось. Кевину пришлось сорвать немало его ссадин, снова открывая раны, прежде чем Жан одумался. Позволив Кевину наконец оттащить собственную руку от горла, он тяжело и прерывисто вздохнул.

– Он этого не делал, – прошептал Кевин. – Жан… Жан почти не слышал его слов: так громко пульсировала кровь в ушах. Он тонул, тонул, тонул, он… *«Прошу, остановитесь, прекратите, прошу»*.

– Это сделали мы, – сказал он. Или ему это показалось? Во рту стоял привкус мокрой ткани. – А потом Рико заставил меня перекрасить ему волосы и отправить домой. Он мог жить с нами или умереть с ними. – Рука Жана снова дернулась к горлу, но Кевин силой удержал ее на одеяле. Жан дрожал от напряжения, пытаясь снова спрятать воспоминания о том дне подальше в темные уголки памяти. Но когда этот ящик Пандоры захлопнулся снова, проглотив свои кошмары, державшие крышку цепи показались ему ужасающе тонкими. Мысленно он шарил вокруг, надеясь найти спасательный круг, и зацепился за любопытную фразу, брошенную Кевином.

– Его фамилия *была* Веснински? Почему была?

– Он отказался от защиты ФБР, – объяснил Кевин. – И они дали ему новое имя.

– Так просто, – пробормотал Жан. Внутри него расползалась пустота, и он не знал, что сказать еще.

– Жан.

– Если посоветуешь мне поступить так же, я тебе горло перегрызу. Уходи и не возвращайся.

Внутренне он был почти готов к спору, но Кевин действительно просто встал и ушел. Жан проследил, как за ним закрылась дверь. После всех прозвучавших в этой комнате глупостей тишина должна была бы принести облегчение, но кровь все еще пульсировала в голове Жана так громко, что ему хотелось разорвать себе грудь. Вместо этого он заткнул уши и сжимал голову все сильнее, пока не стало больно. Но голос Кевина никуда не делся. Он звучал в этом реве все так же ясно: «Убегай, убегай, убегай».

Лисы не позволят ему уйти отсюда еще несколько недель. В этом он не сомневался, как не сомневался в собственном имени. Хозяин позвонит снова, когда пройдет время и когда Жан наверняка восстановится достаточно, чтобы перенести путешествие, но Ваймак найдет

повод не отпускать его. Он будет удерживать Жана здесь, пока не начнутся летние тренировки, и хозяин согласится на это, рассчитывая избежать подозрений. Ваймак пообещал, что скорее сожжет дом, чем позволит «Воронам» забрать Жана, но хозяин легко может сыграть на опережение.

Жану уже доводилось гореть. Правда, его просто жгли спичками. Но даже эти крошечные укусы оказались куда болезненнее, чем им следовало быть. Страшно представить, каково это – гореть в настоящем огне.

– Сколько времени уйдет на то, чтобы человек сгорел заживо? – спросил он у Ваймака, когда тот принес в комнату ужин. – Как быстро он умрет?

Ваймак не сводил с него глаз целую минуту.

– Рад сообщить, что понятия не имею. Мне стоит проверить, нет ли у тебя зажигалки?

– Нет. Мне просто хотелось бы заставить вас запомнить, что именно вы сделали это со мной.

Ваймак все равно осмотрел комнату: перетряс наволочки и простыни, опустошил карманы временной одежды Жана, обшарил прикроватный столик. Не найдя ничего, снова окинул Жана долгим взглядом. Тот сохранял невозмутимое спокойствие, которое ни в коей мере не могло усмирить тренера. Впрочем, тратить время и задавать вопросы, на которые Жан не собирался отвечать, Ваймак не стал и ушел, оставив пациента ужинать в одиночестве.

Сего дня Ваймак не уснет – зато Жан наверняка успеет вздремнуть, пока не придут кошмары. Уже победа.

* * *

И все же его триумф продлился недолго. На следующий день Кевин вернулся. С собой он привел Натаниэля и Эндрю, его ручного вратаря. Натаниэль пристроился на краешке матраса возле Жана и сосредоточенно осматривал его травмы. Кевин занял позицию по другую сторону кровати. Руки у него были сложены на груди, а вид был такой, словно он пытался выжать себя из этой реальности, перестать существовать. До этого дня Жан был уверен, что видел на его лице все оттенки страха, поэтому ему совершенно не хотелось знать, каков источник сегодняшней мертвенной бледности Кевина.

И все же смотреть на него было проще, чем оказаться лицом к лицу с Натаниэлем, потому что на месте его номера все еще были видны ожоги. Жан словно онемел, чувствуя, как холодеет, потом у него скрутило желудок, как будто кто-то разорвал в клочья его внутренности, – еще бы, после всего, чего ему стоила эта чертова татуировка. Он едва дышал – настолько хотелось прямо сейчас наброситься на Натаниэля и разорвать ему руками лицо.

– Привет, Жан, – сказал Натаниэль.

– Убирайся прочь, – ответил Жан и удивился собственному голосу. – Нам не о чем говорить.

– Но ты все равно меня выслушаешь, потому что я только что рассказал Итиро о том, где ты находишься.

Это какая-то ошибка. Точно, он просто не расслышал. Нет такой вселенной, в которой Итиро Морияма соизволит поговорить с кем-то из них. Но Кевин осел на матрас рядом с Натаниэлем, а тот продолжал смотреть угрюмо и упрямо – только покосился один раз на Эндрю, бесстрастно стоявшего рядом. Удовлетворенный тем, что теперь все внимание приковано к нему, Натаниэль снова повернулся к Жану.

– Мой отец вышел из тюрьмы только ради того, чтобы его тут же убили, – сказал он. – Все выходные я провел в компании ФБР: помогал сложить воедино оставленные им контакты и совершенные им преступления. Итиро достаточно уважает мое имя, чтобы после вернуться с ответами. Он сказал, что у наших жизней есть ценность, и я расплатился с ним правдой,

которая помогла эти жизни выкупить. Я рассказал о Рико: о его поведении, угрожающем разрушить империю Итиро, и его бессмысленной жестокости, оставляющей слишком много следов. Нельзя, чтобы спортсменом можно было управлять, как заводным солдатиком: если кто-то начнет разбираться в преследующих нас трагедиях, возникнет слишком много вопросов. Это ставит под угрозу семью Мориями, а Веснински, конечно, не может позволить себе сотрудничать с таким человеком. И я попросил Итиро снова взять меня к себе.

Кевин даже рот приоткрыл от удивления, но Натаниэль не стал ждать, пока тот начнет спорить.

– Я сказал ему, что мы все прекрасно понимаем: Мориями в нас вложился, и поэтому хотим продолжать оправдывать его ожидания. – Тут он холодно улыбнулся, и от этой улыбки температура в комнате, казалось, понизилась на пару градусов. Натаниэлю удалось выжить, удалось обхитрить человека, обладавшего слишком большой властью, и этот успех вскружил ему голову. Жан узнал ту же самоуверенность, которая заставляла его раз за разом выступать против Рико, понимая, что это будет дорого стоить и самому Натаниэлю, и команде.

– Мы обсудили и деньги: стоимость Кевина до травмы, какие нужны вложения, сколько в среднем зарабатывают профессиональные спортсмены… – Натаниэль небрежно взмахнул рукой. – Поскольку мы оказались под пятой тренера Мориямы, все, что мы заработали, шло ему в карман и позволяло поддерживать его проекты. Я предложил, чтобы теперь эти деньги уходили Итиро.

Вид у Кевина был такой, будто он сейчас вскочит с кровати и выбежит из комнаты.

– Послушай, ему это нужно, – настойчиво повторил Натаниэль. – Даже я не понимаю масштаб влияния моего отца, но сейчас все, что у него было, рассыпается на части, а ФБР копается в этих обломках. Даже если Итиро решит объединиться с моим дядей ради возможности получить больше связей в Европе, он все равно будет стремительно терять деньги. Те самые деньги, которые мы с радостью для него заработаем, если он нас дождется. Он на это согласился. Мы будем отдавать восемьдесят процентов заработка с момента, как станем профессиональными спортсменами, и до… пенсии? Я не уточнил, – признался он. – Я уже и так достаточно сильно испытывал удачу и не хотел намекать, что рано или поздно это закончится. Самое главное, что договор действует для нас троих. Я согласился передать вам условия и заверил, что проблем не возникнет. И их и не возникло, верно? Это не помилование и уж точно не настоящая свобода, но мы получим защиту. Станем активом главной семьи. Король потерял всех своих людей и не может ничего сделать, не разозлив брата. Мы будем в безопасности – навсегда.

Натаниэль так легко сказал это, словно и правда верил в свои слова. Жан спрятал лицо в ладонях, впившись пальцами в кожу на лбу. Кошмар какой-то. Можно это будет кошмар? Ну не станет Итиро Мориями встречаться с мелким хвастунишкой вроде Натаниэля Веснински или поддаваться вере в собственную значимость, которую Рико так старательно из него выбивал. Глупо думать, будто все это происходит на самом деле и Итиро пытается украсть игрушки брата. Жан отказывался в это верить, ведь если на минуту перестать думать о том, что все это значит…

Дверь закрылась, знаменуя конец разговора, но тяжесть, давившая на край матраса, никуда не делась. Кевин коснулся локтя Жана:

– Посмотри на меня.

– Нет. Я Моро. Я Ворон. Я знаю свое место. И не соглашусь на это.

– Все уже решено. Твое мнение ничего не изменит.

– Это ты виноват, – рыкнул Жан, когда Кевин все же заставил его убрать руки от лица. – Ты должен был выбить из него эту дурь сразу, как только узнал его имя.

– Я не мог, – слабо возразил Кевин. – Все, кто пытался его укротить, потерпели неудачу.

Жан обстоятельно и страстно выругался на французском и вырвался из хватки Кевина. Если бы ему только позволили остаться в «Эверморе», он не оказался бы втянут в эту сделку.

Тогда, в январе, он сам приговорил себя, ответив на сообщение Рене. Дальше события нарастали снежным комом. Как же это верно, как предсказуемо, что он опять оказался в дерьме из-за чьего-то красивого личика. Жану хотелось выцарапать себе глаза, чтобы избежать искушений в будущем, но без глаз уже не получится играть, а если играть не получится…

– Рико не станет выступать против Итиро, – тихо и настойчиво продолжал Кевин. – Хозяин его убьет при первом же подозрении. Ни один из них тебя не тронет, потому что причинить боль тебе – значит испортить собственность Итиро. Понимаешь?

– По договору я должен играть, – выпалил Жан. – Не важно, в каком состоянии. Если Рико хочет…

Он вскинул руку, словно пытаясь поймать вылетевшие слова, но было уже поздно. Жан замер, приложив пальцы к губам и пристально глядя на Кевина: вдруг тот не заметил? Но взгляд Кевина красноречиво говорил, что его молитвы услышаны не были. Жан уронил руку и с силой ударил себя в бок. Боль огнем разлилась по телу, сжигая все необдуманные слова, которые он еще мог бы произнести, и заставив ловить ртом воздух. Кевин схватил его за плечи и прижал к изголовью.

– Даже не думай, – сказал он. – Меня не обманешь, Жан. Даже не пытайся.

Но попытаться стоило. Только так он смог бы остаться в живых. Они оба знали, кто издевался над Жаном, и Кевин слишком долго при этом присутствовал, но Жан уже много лет не признавал это. Проще было склонить голову и смириться. То, что он переживал месяц за месяцем, год за годом, – всего лишь цена за право называть себя Моро. Возлагать на кого-то вину – значит давать волю гневу, а гнева он уже не выдержит и сломается. Деваться было некуда – нужно просто через это пройти.

– Я Моро, – повторил Жан.

– Да, – согласился Кевин. – Но ты не Ворон.

– Мое место в «Эверморе». Мне приказано стать профессиональным спортсменом и отдавать всю зарплату. Но в условиях сделки нет ни слова о том, что я должен буду покинуть университет Эдгара Аллана. И я не покину. Не покину.

– Мы оба знаем, что Рико сделает с тобой, если ты вернешься, – напомнил Кевин. – Он тебя убьет, лишь бы не отдавать Итиро. Не убьет сам – заставит своего брата изувечить тебя на поле. Ты знаешь, что я прав, даже если не готов согласиться.

С этими словами он встряхнул Жана, но тот продолжал смотреть мимо него и игнорировал услышанное. Тогда Кевин рассчитанным движением опустил свободную руку на покалеченное колено Жана и сильно его ущипнул. Когда тот в ответ набросился на него, он даже не поморщился – просто мрачно поймал взгляд Жана. Подождал, пока он прислушается. И снова заговорил:

– Ты Моро. Ты принадлежишь семье Морияма. Но не этой. Больше не им.

– Прекрати! Не говори мне такого.

Кевин пропустил его возглас мимо ушей.

– Теперь у тебя новый хозяин, и он приказал тебе играть. Если ты вернешься в университет Эдгара Аллана, то пойдешь против этого приказа. У тебя нет права отказываться выполнять прямые указания хозяина. Верь в эти слова, если больше ни во что другое не веришь. Это сохранит тебе жизнь. – Кевин выждал пару секунд, давая Жану возможность возразить. – Всю весну ты будешь восстанавливаться, а потом мы найдем тебе новую команду. Больше ты не будешь Вороном.

Я Ворон. Если я не Ворон, то кто я вообще?

Жану казалось, что его грудную клетку разрезали и раскрыли. В комнате стало нечем дышать. Он вцепился в футболку, гадая, как ее свободный ворот может душить его. Кевин обхватил руками его лицо, вынуждая смотреть только на себя, хотя Жан пытался отвернуться.

– Дыши, – сказал он.

Жану казалось, что эти слова прозвучали где-то далеко, за тысячу километров отсюда.

Жан Моро. Я Жан Моро Жан Моро Жан Моро Жан я…

– Меня сейчас стошнит.

Жан перегнулся через край кровати, и Кевин вынужден был отпустить его. Но он успел впихнуть в покрытые синяками руки Жана корзину для мусора за секунду до того, как тот проиграл неравный бой с содержимым желудка. Его вывернуло наизнанку так болезненно, что Жан на секунду ослеп. Не сказав ни слова ни о звуках, ни о запахе, Кевин дождался, пока Жан сплюнет, а потом забрал у него ведро. На столике всегда был стакан с водой – об этом позаботились тюремщики Жана, – и Кевин передал его ему. Жан сделал несколько глотков, поморщившись: от воды вкус во рту стал только хуже.

Он лишь понаслышке знал, на что способна главная ветвь семейства Морияма, но именем Итиро их пугали всегда. Юноша, которому суждено унаследовать кровавую империю, чьи щупальца сжимали всю восточную часть Соединенных Штатов и тянули полдюжины отростков дальше – в Европу. Насколько им было известно, Итиро экси не интересовал совершенно. Слушаться такого хозяина было еще страшнее, но вдруг ему достаточно будет просто сидеть на троне и собирать дань на расстоянии. Может, Жану вообще не придется больше видеться ни с кем из семейства Морияма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.